

Сивков Кирилл Александрович

ВЕНЕЦИЯ И. А. БРОДСКОГО В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые ключевые проблемы, которые были раскрыты в современном литературоведении, занимающемся изучением венецианского текста Бродского. На данном этапе сделаны попытки выявить характер взаимодействия венецианского и петербургского локусов в творчестве поэта, а также обозначены ключевые образы, формирующие венецианский миротекст писателя: образ зеркала, образ воды, образ лирического героя и другие. Однако назвать исследования исчерпывающими не представляется возможным.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 65-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются некоторые ключевые проблемы, которые были раскрыты в современном литературоведении, занимающемся изучением венецианского текста Бродского. На данном этапе сделаны попытки выявить характер взаимодействия венецианского и петербургского локусов в творчестве поэта, а также обозначены ключевые образы, формирующие венецианский миротекст писателя: образ зеркала, образ воды, образ лирического героя и другие. Однако назвать исследования исчерпывающими не представляется возможным.

Ключевые слова и фразы: венецианский текст; интертекстуальность; локус; образ; мотив.

Сивков Кирилл Александрович

*Вологодский государственный университет
silogizm@mail.ru*

ВЕНЕЦИЯ И. А. БРОДСКОГО В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Венецианский локальный текст занимает особое место в современном литературоведении. На данном этапе мы можем насчитать ряд работ, написанных как про общие черты воплощения венецианской темы у разных авторов, так и про реализацию ее у конкретного писателя. Большой интерес у литературоведов вызывает венецианский текст Бродского. Например, исследовательница современного состояния венецианского текста русской литературы О. В. Соболева совершенно справедливо считает, что, «начиная с 1996 года, венецианский текст современной отечественной литературы был поставлен в условия неизбежного диалога с “каноническим” (как это ни парадоксально звучит) творчеством Иосифа Бродского» [14, с. 103].

В исследованиях венецианского текста Бродского обнаруживаются переключки между авторами. Основной проблемой, на которую, так или иначе, ссылаются литературоведы, является соотношение венецианского и петербургского локусов. Ее решение должно быть пересмотрено. Во всяком случае, та методология, которая лежит в основе многих исследований, является не совсем верной.

Прежде всего, никем из авторов не указывается весь корпус венецианских произведений Бродского. Но как можно делать выводы о преобладании тех или иных тем в текстах поэта о Венеции, не объединив их в цикл? Однако это еще не все: анализ цикла предполагает определенный подход. Наиболее удачным, на наш взгляд, подходом является интертекстуальный, так как он позволяет обратить внимание на целостную реализацию ряда магистральных проблем венецианского творчества поэта: проблему соотношения венецианского и петербургского локусов, проблему взаимодействия лирического героя с пространством водного города, проблему воплощения образа Венеции и целостности венецианского цикла Бродского. Попробуем наметить пути решения этих проблем, обобщив все сделанное на данный момент в литературоведении.

Сейчас сложилось четкое представление о взаимосвязи венецианского и петербургского локусов в текстах Бродского о лагунном городе. Однако эта связь очевидна, пожалуй, только при прочтении эссе «Набережная Неисцелимых» и двух стихотворений – «Лагуна» (1973) и «В Италии» (1985), на которые ссылается большинство исследователей: Л. Лосев [7], Н. Е. Меднис [9; 10], В. Куллэ [5], В. Полухина [12], Санна Турома [15], О. В. Соболева [13], А. Н. Кунусова [6]. Но почти никем не проанализировано еще семь венецианских стихотворений: «Сан-Пьетро» (1977), «Прилив» (1981), «Венецианские строфы 1-2» (1982), «Лидо» (1991), «Остров Прочида» (1994), «С натуры» (1995).

Впервые про отражение в Венеции Бродского Петербурга заговорил Лев Лосев. Он называет пять произведений, составляющих венецианский текст поэта: «Лагуна» (1973), «Венецианские строфы I, II» (1982), «В Италии» (1985), «Watermark» (1991). Про сходство двух городов он говорит следующее, опираясь в основном на венецианское эссе поэта: «Сходство... не градостроительно-архитектурного, а драматического порядка» [7].

Но эта мысль верна для «Набережной Неисцелимых», однако не абсолютна в контексте всех произведений венецианского цикла. Лосев имеет в виду, что Венеция и Петербург связываются в сознании Бродского целостностью ассоциаций: запах мерзнущих водорослей в водном городе и на берегах Балтики, номер американского журнала «Лайф» с фотографией Сан-Марко в снегу, маленькая медная гондола, привезенная отцом из Китая.

Но при этом он игнорирует стихотворение «Лагуна», в котором наиболее тесно взаимодействуют два интересующих нас локуса. Более того, он отрицает в этом стихотворении знаки русской культуры, а они там хоть и не явны, но отчетливы.

В самом начале «Лагуны» угадывается отсылка к стихотворению О. Мандельштама «Сумерки свободы»:

...пансион «Аккадемиа» вместе со
всей Вселенной плывет к Рождеству под рокот
телевизора; сунув гроссбух под локоть,
клерк поворачивает колесо [4, с. 49].

Почти те же образы у Мандельштама:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плугом, океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля [8, с. 67].

Кроме мандельштамовских строк в «Лагуне» всплывает «бронзовый осьминог люстры» из романа В. Набокова «Другие берега». Напомним данный сюжет. В восьмой главе писатель рассказывает о пятом гувернере еврейского происхождения и вспоминает, как тот, хвастаясь находкой (люстрой), привел их, детей, в магазин Александра на Невском: «Со всевозможными предосторожностями и нарочито восхищаясь какой-то посторонней этажеркой, он подвел нас под ужасающего бронзового осьминога с гранатовыми глазами и только тогда мурлычущим вздохом дал нам понять, что это и есть облюбованная им вещь» [11, с. 252].

Образ родины в «Лагуне» связан с магистральной для Бродского темой тирании:

Гондолу бьет о гнилые сваи.
Звук отрицает себя, слова и
слух; а также державу ту,
где руки тянутся хвойным лесом
перед мелким, но хищным бесом
и слюну леденит во рту [4, с. 51].

Помимо литературных, есть топографические и культурные реалии Венеции, которые *противостоят* петербургским:

...кромсая леща, а не
птицу-гуся [Там же, с. 49].

Рождество без снега, шаров и ели [Там же].

...сфинксов северных южный брат,
знающий грамоте лев крылатый,
книгу захлопнув, не крикнет «ратуй!»,
в плеске зеркал захлебнуться рад [Там же, с. 50].

Отметим политкорректность льва, который, в отличие от сфинкса, не способен на выкрик «ратуй».

Помимо «Лагуны» существует еще одно стихотворение из венецианского цикла Бродского, которое *полностью* посвящено теме родины, – «В Италии». О нем подробно пишет как Лосев, так и Полухина. В нем, как и в «Лагуне», прорастание «венецианских знаков русской культуры» [12] очевидно, начиная с В. В. Розанова и заканчивая аллюзией на ахматовскую «Венецию», в которой площадь Сан-Марко уподобляется голубятне.

Однако, несмотря на справедливое утверждение, что в некоторых венецианских стихотворениях упоминаются имена русских, бывавших в Венеции, эти упоминания в масштабе, например, «Венецианских строф 1» настолько единичны, что не дают права утверждать, будто бы Бродский видел в Венеции отражение Петербурга.

В этом отношении более репрезентативны исследования Куллэ [5] и Туромы [15]. Первый отмечает самостоятельность стихов-путешествий, вторая – туристического дискурса. И в действительности, стоит обратить внимание на взаимодействие лирического героя с пространством водного города, на воплощение образа Венеции, на целостность венецианского текста Бродского.

Почти все литературоведы, когда речь заходит о лирическом герое Бродского в венецианских произведениях, говорят про образ «никто» или Одиссея. Лосев отмечает его связь с кинематографом, Куллэ говорит о его романтической. Единодушно утверждается идеальность венецианского пространства, в котором лирический герой «находит свое примирение со временем» [5]. На наш взгляд, это не совсем так. Проследим это на примерах:

Тянет...
рухнуть в кровать, прижаться к живой кости,
как к горячему зеркалу, с чьей амальгамы
пальцем нежность не соскрести [3, с. 118].

Плещет лагуна...
тусклый зрачок казня
за стремленье запомнить пейзаж, способный
обойтись без меня [Там же, с. 121].

Закат;
голоса в отдалении, выкрики типа «гад!
уйди!» на чужом наречьи [Там же, с. 204].

В переулке земного рая
вечером я стою, вбирая
сильно скукожившейся резиной
легких чистый, осенне-зимний,
воздух, которым вдоволь
не надышишься, особенно –
напоследок [1, с. 221]!

Общим для венецианского текста Бродского, безусловно, является восхищение красотой лагунного города. Он является для поэта воплощением земного рая. Однако даже в этом пространстве лирический герой не находит примирения со стремительным и разрушающим движением времени.

Решение темы времени тесно связано с конструированием Бродским венецианского пространства, которое также требует пристального рассмотрения и осмысления в контексте всего венецианского цикла, а не только на материале эссе, как это обычно делают. Меднис [10] считает, что образ Венеции через тему хордовых связывается с архетипическим образом зарождения жизни, в нем проявлено женское материнское начало. Это справедливо в разрезе венецианского сверхтекста, но если обратить внимание на то, что же сам поэт говорит о женственности города, это не столь очевидно. Описывая ночную поездку на гондоле, Бродский отмечает: «Было что-то отчетливо эротическое в ходе ее упругого тела по воде – похожее на скольжение руки по гладкой коже того, кого любишь. В сущности, речь шла об эротичности не полов, а стихий. Ощущение было среднего рода» [2, с. 236].

Далее Меднис выявляет важную, но не единственную связь хордовых с «древнейшими и универсальными образами христианской символики». Трудно не согласиться, однако почему-то забыты более древние архетипы верхнего, срединного и нижнего миров, которые взаимосвязаны между собой вертикальной осью Мирового древа. Именно такая модель проявляется в стихотворении «С природы»:

Удары колокола с колокольни,
пустившей в венецианском небе корни [1, с. 221].

Кроме того, Венеция находится посреди водной стихии, что соотносится с представлениями о срединном мире, который со всех сторон окружен водной субстанцией. Во многих космогонических системах Океан неразрывно связан с миром хаоса, который в конечном счете должен будет уничтожить мир людей (срединный мир). Вода в миротексте Бродского является тождественной Времени, которое «варварским взглядом обводит форум» [3, с. 126]. Если воспринимать венецианский текст как целостность произведений, то становится возможным воссоздать мифопоэтическую модель мира, которая последовательно формировалась Бродским при осмыслении метафизической сущности пространства водного города. В этом контексте несчастливым представляется обилие мифологических персонажей, которыми поэт населяет Венецию: Одиссей, Мойры, Минотавр, Тесей, Ариадна, Пенелопа, циклопы и т.д.

Таким образом, на данный момент венецианский текст Бродского в литературоведении изучен вне своей целостности, внимание направлено на отдельные тексты и образность, в них проявленную. Однако именно целостное изучение всех венецианских произведений представляется перспективным. Необходимым является выявление точек соприкосновения как внутри венецианского текста Бродского, так и в его связанности с произведениями русской и мировой культуры. Кроме того, корпус венецианских произведений поэта образует целостность, возможным является говорить о некоем миротексте, в основе которого находятся переработанные мифологические модели.

Список литературы

1. Бродский И. А. Пейзаж с наводнением. СПб.: Азбука-классика, 2007. 240 с.
2. Бродский И. А. Поклониться тени. СПб.: Азбука-классика, 2006. 256 с.
3. Бродский И. А. Урания. СПб.: Азбука-классика, 2007. 224 с.
4. Бродский И. А. Часть речи. СПб.: Азбука-классика, 2007. 144 с.
5. Куллэ В. Иосиф Бродский: Путешествие из Петербурга в Венецию [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/kulle/dop/article/venec.html (дата обращения: 06.08.2015).
6. Кунусова А. Н. Венецианский текст в русской литературе XX века: дисс. ... к. филол. н. Астрахань, 2011. 211 с.
7. Лосев Л. Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/5/losev.html> (дата обращения: 06.08.2015).
8. Мандельштам О. Э. Четвертая проза. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
9. Меднис Н. Е. Венеция в прозе Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org/europe/italia/ir/cul/mednis/brodsky/> (дата обращения: 06.08.2015).
10. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе: дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 1999. 496 с.
11. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5-ти томах. СПб.: Симпозиум, 2008. Т. 5. 832 с.
12. Полухина В. Ахматова и Бродский (к проблеме притяжений и отталкиваний) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akhmatova.org/articles/poluhina.htm> (дата обращения: 06.08.2015).
13. Соболева О. В. Венецианский текст в современной русской литературе (1996-2009 гг.): дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2010. 167 с.
14. Соболева О. В. «Не быть как Бродский»: Венеция в современной отечественной литературе // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. статей: в 2-х т. М.: 2009. Вып. 8. Т. 1. С. 102-105.
15. Турома С. Поэт как одинокий турист: Бродский, Венеция и путевые заметки [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/tu9.html> (дата обращения: 06.08.2015).

VENICE OF I. A. BRODSKY IN THE MIRROR OF LITERARY CRITICISM

Sivkov Kirill Aleksandrovich
Vologda State University
silogizm@mail.ru

This article deals with some key issues that have been revealed in modern literary criticism, studying the Venetian text of I. A. Brodsky. At this stage, the attempts to identify the nature of interaction between Venice and St. Petersburg loci in the poet's creativity have been made, as well as the key images forming Venetian world-text of the writer: image of mirror, image of water, image of lyrical hero and others have been identified. However, the conducted research cannot be called comprehensive.

Key words and phrases: Venetian text; intertextuality; locus; image; motive.